

РАЗДЕЛ 6
ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ:
ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЫХ И НОВЫХ ФОРМ БЫТОВАНИЯ

DOI 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-262-263

Цыренов Бабасан Доржиевич
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г.
Улан-Удэ, Российская Федерация;
tsyrenovbabasan@mail.ru

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ КИРИЛЛИЗАЦИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА (XIX в.)¹

Статья посвящена исследованию первых опытов кириллизации бурятского языка в XIX в. Это явление рассматривается не только с лингвистических позиций, но и с точки зрения историко-культурной. Данный опыт дал возможность выходу первого русско-бурятского словаря в 1909 г.

Ключевые слова: кириллизация; бурятский язык; алфавит; букварь; словарь.

Tsyrenov Babasan Dorzhievich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ON OF THE FIRST EXPERIENCES OF CYRILLIZATION OF THE BURYAT LANGUAGE (19th CENTURY)

Abstract: The article investigates the first experiments of cyrillization of the Buryat language in XIX century. This phenomenon is studied not only from the linguistic items, but also from the standpoint of historical and cultural significance.

Keywords: cyrillization; the Buryat language; alphabet; primer; dictionary.

Одной из первых попыток применения кириллической, или русской, графики к бурятскому языку стало издание в переводе Н. С. Болдонова на бурятский язык книжки «О мироздании» (Дайда дэлхэйн ушир) в 1862 г. Вот что об этом написано в «Записке комитета по переводу учебных книг на бурятский язык»: «Председательствующий в совете главного управления Восточной Сибири Евгений Михайлович Жуковский, заботясь о распространении между бурятами научных сведений, поручил учителю бурятского языка в иркутском духовном училище Н. С. Болдонову перевести на бурятский язык изданную для сельских училищ Забайкальской области книжку «О мироздании» и, вместе с тем, счел необходимым под своим председательством составить особый комитет для рассмотрения трех вопросов» [Записка..., 1863, с. 1]. Эти три вопроса, о которых говорится в процитированном тексте, представляются основополагающими в деле перевода русских учебников на бурятский язык. Прежде всего, Комитет озаботился выбором наречия (иркутских бурят, хоринский и селенгинский). При обсуждении данного вопроса члены апеллируют к численности представителей данных наречий: бурят, говорящих на иркутском наречии, насчитывается до 100 тысяч, селенгинским – до 24 тыс., хоринским – до 65 тыс. человек обоего пола [Записка..., 1863, с. 2] (в процентном соотношении – 52,9 %, 12,7 % и 34,4 % соответственно – *Б. Ц.*). Подчеркивая численное преимущество представителей иркутского наречия, члены Комитета обращают внимание и на тот факт, что «иркутские буряты ... представляют собой племя, более других расположенное к принятию гражданственности, так как часть иркутских бурят исповедует христианскую веру и значительная часть их переменила кочевой образ жизни на оседлый... [Записка..., 1863, с. 3]. Эти факторы послужили основанием при выборе «наречия иркутских бурят» в качестве основы бурятского языка переводов с русского языка.

Выбор алфавита (графики) стал предметом обсуждения по второму вопросу. Важными предпосылками, обуславливающими выбор русской графики, являлись наличие: 1) определенного количества грамотных по-русски бурят; 2) нескольких переведенных на бурятский язык богослужебных книг, а также удобство в полиграфическом исполнении изданий.

Выбор графики вызвал необходимость обсуждения собственно алфавита для бурятского языка. К двадцати девяти буквам русского алфавита (*а, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ц, ч, ш, ы, ь, ь, э, ю, я, й*) дополнительно были взяты 8 букв, восемь из которых имели надстрочные знаки (точка над буквой) – *о, у, io, ю, х, г* и два диграфа (*io, iu*) [Записка..., 1863, с. 4]. Несмотря на то, что алфавит был принят в таком виде, к концу совещания комитета было принято решение отказаться от надстрочных знаков, «как не вызываемых необходимостью» [Там же, с. 6], полагаясь на то, что буряты смогут различать произношение переднерядного *у* [*у*] (в терминологии Комитета – глухого), от произношения звонкого (заднерядного) *у*. Для обозначения звука [*и*] вместо *х* с надстрочной точкой (*х̇*) было решено использовать сочетание *сх*.

Третий вопрос – перевод «технических слов» и вообще тех слов, которых нет в бурятском языке, – был решен просто: «все технические выражения и вообще слова, которых нет в бурятском языке, оставлять в переводе так, как они употребляются в русском языке, сделав при том, где нужно, приличные (надлежащие – *Б. Ц.*) объяснения по бурятски» [Записка..., 1863, с. 7].

Выступая против внедрения слов из других бурятских наречий (причина – «введение слов иных наречий сделало бы перевод менее доступным для бурят, говорящих иркутским наречием» [Записка..., 1863, с. 7]), Комитет отмечает, что «можно было некоторое число экземпляров распространить и между забайкальскими монголо-бурятами с целью ознакомить их с русской аз-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

букой и, следовательно, сблизить тем с русским элементом, представляющим собою для них залог будущего их просвещения и благосостояния» [Записка..., 1863, с. 7]. Как видно из последней цитаты, у Комитета была и в некоторой степени протекционистская цель. Таковую же цель спустя около полувека преследовали, но в обратном направлении, создатели новой бурятской письменности на основе старописьменного монгольского языка, считавшие, что с эпохой пробуждения бурят «совпало изобретение нового монголо-бурятского алфавита, на долю которого и выпало стать одним из орудий просвещения бурятского народа» [Амагаев, 1910, с. 2], в том числе и бурят Иркутской губернии. Это также очень интересная веха в истории развития бурятского языка, требующая отдельного рассмотрения, и к этому вопросу мы обратимся в последующих работах.

Возвращаясь к кириллизации бурятского языка в XIX в., проводившейся силами учителей и священниками Иркутской епархии, рассмотрим «Русско-бурятский букварь, составленный Н. Болдоновым», изданный в Санкт-Петербурге в синодальной типографии в 1866 г. Автор ставил перед собой цель обучение Северо-Байкальских Бурят (западных бурят – *Б. Ц.*) «русской грамоте, русскому письму и чтению», с одной стороны, «а с другой стороны, распространение между ними и собственной бурятской грамотности» [Болдонов, 1866, с. 3].

После небольшого предисловия автор приводит алфавит из 39 букв, разделив его на две части: «Большие буквы» и «Малые буквы»: А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, І, К, Л, М, Н, О, Ќ, Р, С, Т, У, Ў, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, ъ, Э, Ю, Я, V. После алфавита даются буквосочетания: двубуквенные, трехбуквенные, слогги, оканчивающиеся на твердый знак ъ, мягкий знак ь, и *и краткое й*, а также одно- и двухсложные бурятские слова с переводом на русский язык. Кроме того, в этой же части приведен небольшой глоссарий, содержащий слова, встречающиеся в текстах молитв в букваре и т.д. В конце букваря Н. С. Болдонов предлагает обозначение «численных бурятских знаков. И они не выдуманы мною, а употребляются самими бурятами, которые вырезают их на палках. Только одно начертание числа 500 я должен был придумать сам; впрочем, я взял его не ниоткуда, а из тех же бурятских цифр, взяв только половину знака 1000, так что введение этого знака усвоится без малейшего затруднения, с совершенною легкостью и удобством» [Болдонов, 1866, с. 6].

Особое внимание привлекает буква V (ижица). Совершенно непонятно, для чего она была введена в бурятский алфавит, так как при изучении материала букваря мы не обнаружили ее ни в одном из текстов, более

того, этой буквы нет в приводимых после алфавита в примерах слогов.

Данный алфавит отличается от принятого на заседании Комитета, в нем отсутствуют: диграфы *io, ii, ɣ* (ять), но что примечательно, несмотря на отказ от надстрочных знаков в решении, приведенном в «Записках Комитета...», в данном алфавите две буквы имеют надстрочные знаки «две точки над буквой» – *ö* и *ü*. Кроме того, применяется надстрочный знак «тире над буквой», обозначающий долготу гласных, в том числе и над буквами *e, ю, ö* и *ü*. Например: *Ўгэйтэй зэргэдэ хөдблэжэ ольжо ядā болбол, хүнгэхэ гуйжа эрэ, тихэдэ шни хүни өгдö болбол, өгөгхин аб* ‘В бедности, ежели не можешь чего снискать трудом, проси; когда дадут, прими’ [Болдонов, 1866, с. 10]; *Мэдэ үгэй юмая ушар, зөб шги борү шги гэжи, бү хэлэ* ‘Чего не знаешь, того не утверждай и не отрицай’ [Болдонов, 1866, с. 20].

Обозначение мягкорядных (переднерядных) гласных посредством диакритического знака «две точки над буквой» и долготы гласного – «тире над буквой» заслуживает уважения, однако непоследовательность их применения и явные ошибки при обозначении переднерядности и долготы сводят на нет положительный эффект, например: *Аха уладта үрлахāгха бэе барьжа ябхāгха болхо, ямар шги хүндэ үрлахāгха бэе барьжа яба* ‘Берегись сердиться не только на старших, но и ни на кого’ [Болдонов, 1866, с. 21]. В данном примере в словах *үрлахāгха* и *ябхāгха* долгота указана на совершенно другом слогге, нежели того требует бурятское произношение. Если быть точными в передаче долготы в этих слова, то «тире над буквой» должно стоять над последней буквой *a* в составе суффикса исходного падежа: *үрлахагхā* и *ябхагхā*, в современной орфографии – *уурлахаһаа* и *ябахаһаа*. Подобных ошибок и неточностей в данном букваре множество, что, естественно, умаляет его значение в чисто лингвистическом плане, но никак не отражается на его историко-культурной ценности, поскольку этот опыт является одним из первых попыток кириллизации бурятского языка. Да, этот алфавит и письменность, основанная на этом алфавите, еще очень далеки от идеала, тем не менее, на этой письменности издавались христианские богослужебные книги, а в 1909 г. протоиерей И. А. Подгорбунский издал первый русско-бурятский словарь с применением кириллической письменности для бурятского языка [Подгорбунский, 1909]. Этот словарь также представляет огромный интерес не только с точки зрения развития бурятского языка, но и с точки зрения региональной лексикографии и будет подвергнут тщательному лексикографическому анализу в последующем.

Литература

- Амагаев Н. Новый монголо-бурятский алфавит. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. 1910. 52 с.
Болдонов Н. Дайда дэлхэйн ушир. Иркутск, 1862. 28 с.
Болдонов Н. Русско-бурятский букварь. СПб., 1866. 68 с.
Записка Комитета по переводу учебных книг на бурятский язык. Иркутск: Тип. штаба войск, 1863. 9 с.
Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909. 340 (VI) с.